

Вместо мирры и ладана — драгоценных даров из дальних стран в ларцах трех царей — в этой антологии собраны лучшие подарки для любителей фэнтези: рассказы и повести современных писателей и обласканных вниманием читателей классиков из Англии, Беларуси, Китая, Польши, России, США и Украины, произведения, уже полюбившиеся и специально написанные для этой книги. Среди других в сборник вошли повести Анджея Сапковского и Яцека Комуды, Томаша Колодзейчака и Владимира Аренева, рассказы Ся Цзя, Марии и Сергея Дяченко, Генри Лайона Олди, Кира Булычева, Бориса Штерна и Марии Галиной, а также ранее не переводившиеся рассказы классиков фэнтези Терри Пратчетта и Джеймса Бренча Кэбелла.

Все началось с магии... Не той балаганной и дешевой, которой торгуют сельские колдуны и бродячие фокусники. То была магия истинная, пробуждающая трепет и страх. Ею дышали зарницы степных сухих гроз, она бродила по камням китайской улицы Призраков и по кровавой грязи дорог робеспьеровской Франции, опускалась на морское дно за сокровищами восточных князей и в бешеной скачке мчалась с эльфами по лесам замирья. Старая ведьма — любящая прабабушка, бывший военный снайпер... Обезумевший от страха извозчик, которого скрип полозьев перенес в картонный мир чудовищ и блесок с рождественских открыток... Гоноровый польский шляхтич, вернувшийся с битвы под Смоленском и исполнивший долг чести перед самим сатаной... Магия будет их оружием и пером, которым они напишут свои истории. И только две стихии будут обладать силой, им неподвластной, — море-океан и любовь...

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3743-3

9 785991 1037433

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-1647-1

9 786171 1216471

Т. ПРАТЧЕТТ А. САПКОВСКИЙ
Г. Л. ОЛДИ М. и С. ДЯЧЕНКО М. ГАЛИНА
В. АРЕНЕВ Я. КОМУДА Ф. ЧЕШКО КИР БУЛЫЧЕВ

СТРАНСТВОИЕ
ТРЕХ ЦАРЕЙ

Т. ПРАТЧЕТТ А. САПКОВСКИЙ
Г. Л. ОЛДИ М. и С. ДЯЧЕНКО М. ГАЛИНА
В. АРЕНЕВ Я. КОМУДА Ф. ЧЕШКО КИР БУЛЫЧЕВ

СТРАНСТВОИЕ ТРЕХ ЦАРЕЙ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Яцек Комуда	Сергей Булыга
Святослав Логинов	Ярослав Гжендович
Ксения Медведевич	Федор Чешко
Ся Цзя	Ольга Онойко
Терри Пратчетт	Сергей Легеза
Мария Галина	Кир Булычев
Томаш Колодзейчак	Генри Лайон Олди
Борис Штерн	Джеймс Бренч Кэбелл
Петр Гоцек	Анджей Сапковский
Макс Щербаков	Владимир Аренев
Марина и Сергей Дяченко	

СТРАНСТВИЕ ТРЕХ ЦАРЕЙ

СБОРНИК

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2016 ДОСУГА

От составителя

Эта книга, дорогой читатель, о том, что всегда находится рядом с нами. В нас самих. О чуде. О надежде. О вызове и выборе.

Когда мы с издательством «Клуб семейного досуга» работали над этой книгой, нам и самим пришлось принять определенный вызов и совершить некий непростой выбор. С одной стороны, было ясно, что «Странствие трех царей» продолжит «Век волков» — ту самую антологию, которой мы попытались возродить традицию международных сборников и которая была принята вами, читателями, очень благосклонно. С другой — нам не хотелось повторяться.

Действие всех рассказов и повестей новой книги точно так же происходит не в выдуманных королевствах, а на нашей Земле, — на Земле, однако, отличающейся одной важной деталью. Здесь рядом с людьми живут мифологические и фольклорные персонажи. Вы окажетесь в разных странах и эпохах: в степях Речи Посполитой, в Британии времен Тристана и Изольды, в современном украинском мегаполисе, в Древней Греции, в послереволюционной Франции, в Италии времен эпохи Возрождения, на арабском Востоке, даже в нашем будущем — и встретитесь с джиннами, сиренами, древними богами, фэйри, призраками... Те, кто читал «Век волков», в некоторых историях встретятся с уже знакомыми персонажами — рассказы Сергея Легезы и Сергея Булыги, а также повесть Томаша Колодзейчака принадлежат авторским циклам, хотя и полностью самодостаточны.

В то же время мы решили не повторять авторский состав «Века волков» точь-в-точь. Новая антология взяла от предыдущей только основное: тексты представлены писателями из разных стран. В основном это современные авторы, однако есть несколько классических произведений: малоизвестные, но прекрасные «Морские течения» Кира Булычева, добрый и чудесный «Дед Мороз» нашего соотечественника Бориса Штерна и «Легенды Пуатема» — подборка никогда прежде не переводившихся рассказов классика фэнтези Джеймса Бренча Кэбелла. В этот раз мы расширили географию: помимо представителей Беларуси, Польши, России и Украины, у нас

в гостях авторы из Англии, Китая и США. Больше стало и произведений, которые написаны специально для нашей книги или — как рассказ сэра Терри Пратчетта — впервые переведены на русский.

Пока формировалась книга, обозначились и основные ее темы. Почти все истории из нашей антологии посвящены двум стихиям — морям-океанам и любви. Странствиям — внешним и поискам — внутренним. Кроме того, это просто увлекательные рассказы и повести с яркими мирами и живыми персонажами — именно то, что мы сами так любим читать.

Приятных странствий и поисков, читатель!

Владимир Аренев

Яцек Комуда

Черный вензель

Разлоги

Он заблудился. В конце концов пришлось в этом признаться и самому себе. Дождило, и лес, куда ни глянь, казался совершенно одинаковым. Всюду он видел мрачные мокрые деревья. Не было лесу ни конца, ни хотя бы поляны. Под спутанными ветвями делалось все темнее, подступали хмурые осенние сумерки; глинистую тропу, которой он ехал, устилали желтые листья.

Проклятая неудача преследовала Куницкого с начала пути. Сперва, сразу за Каменцем, сломались два колеса коляски, потом пали обе лошади, а теперь, когда он оставил челядь и груженный добычей воз в Баре, просто-напросто заблудился в темных лесах над Бугом.

Дождь потихоньку стих. Сорвался легкий ветер. Шумел ветвями, стряхивая с них тучи серебристых капель. Деревья по обе стороны тропы вдруг расступились, открывая полянку, поросшую кустами с красными листьями. Посредине пустого пространства стояла древняя развалина — должно быть, какая-то разрушенная корчма. Много таких строений осталось в этих краях со времен последнего татарского нашествия. Она вовсе не выглядела привлекательно, но Ян направился к руине. Будь что будет, но даже в такой халупе голова останется сухой.

Внезапно в одном из окон мелькнула темная фигура. Куницкий непроизвольно пригнулся к конской шее. А потом увидел блеск, услышал гром выстрела; пуля свистнула высоко над головою. Шляхтич не колебался ни мгновения. Отступи он — и раньше, чем добрался бы до ближайших деревьев, притаившийся в корчме противник получил бы время всадить в него как минимум одну пулю. Поэтому вместо того, чтобы убегать, он соскочил с коня, прижался к стене и вытащил саблю.

В развалинах царила полная тишина. Он придвинулся к двери. Увидел погруженные в полумрак большие сени с прогнившим полом. Медленно, елозя спиной по стене, он вошел внутрь. Заглянул в помещение слева. Большая комната с печью — должно быть, кухня. Он вошел туда и внимательно осмотрелся. Увидел разбитые

лавки, остатки власяных покрытий, несколько старых мисок и шер-
батый котелок. Печь еще оставалась теплой. Значит, кто-то здесь жил!

Он развернулся, услышав позади скрип пола. И тогда в дверь
слева ворвался высокий худощавый мужчина в делии¹ и меховом
колпаке... Рубанул саблей! Они сошлись раз, другой, третий, отско-
чили... Шляхтич присмотрелся к лицу нападавшего. Замер. Тот тоже
посмотрел внимательней. Опустил оружие.

— Вашмосць² Куницкий? — спросил. — Ян Куницкий? Что пан тут
делает?

— А что я должен бы делать?! С войны вернулся! А вашмосць,
видать, сдурел вконец...

Куницкий без труда распознал стоявшего перед ним мужчину. Это
был Яцек Остшицкий, сосед из родимой сторонки, из-под Брацлавья.

— Не узнал меня? Меня дома два года не было, но неужто я так
изменился?

— Стало быть, вашмосць вернулся? Так быстро?

— Война закончилась. Мир под Смоленском наступил. Но уж не
думал я, что в Брацлавском поприветствуют меня пулей из бандо-
лета³. Я что, на разбойника похож?

— Нет... — Остшицкий смешался. — Садись, вашмосць, — он указал
на лавку. — Не узнал тебя.

— Сейчас поговорим, — проворчал Куницкий. — Коня нужно
привести.

Он вышел из избы и отыскал на поляне своего скакуна. Тот пасся
у угла корчмы. Куницкий отвел его в полуразвалившийся сарай
и расседлал. Когда вернулся, Остшицкий заслонил окно старой,
обтрепанной скатеркой.

— В руки вашмосци, — сказал, подавая Куницкому кожаную
баклагу. — Твое здоровье, пан Куницкий.

Шляхтич с удовольствием глотнул водки. Остшицкий вынул хле-
ба и вяленого мяса, положил на лавку подле Куницкого.

¹ Делия — разновидность верхней одежды, суконная либо меховая, обя-
нутая тканью, с длинными рукавами, которые при этом не использова-
лись. Носилась нараспашку. (Здесь и далее прим. пер.)

² Вежливое обращение шляхтича к шляхтичу в Речи Посполитой; сокра-
щенная форма от «ваша милость».

³ Короткое гладкоствольное ружье, использовавшееся в кавалерии.

— Все, что есть, — сказал, усаживаясь напротив. — Знаешь, вашмосць, тяжелые времена пришли. Многое у нас изменилось.

— А как моя жена?

Остщицкий вздрогнул. Куницкий это заметил. Сидели молча. Ян подбросил дровец в огонь, и красные отсветы загуляли по комнате.

— Жена твоя в добром здравии, пан Куницкий.

— Это хорошо. А ты, вашмосць, что тут подделываешь?

— Да так... живу.

— Как?! — воскликнул Куницкий. — Как это «живу»? В этих развалинах? А твое имение? Отчизна?¹ Что случилось? Татары сожгли? Если так, супруга моя тебе помощь удела бы...

— Татары? — бледно улыбнулся Остщицкий. — Да со мной стряслось кое-что похуже татар. Отобрали мои села.

— Как это отобрали? По какому праву?!

— И по праву, и по леву, как говорят. С саблей в одной и с протестацией в другой руке.

— Но кто, господи? Ты с кем-то, вашмосць, под процессом был?

— Процесс, — горько усмехнулся Яцек. — Я его выиграл даже. Но непросто справиться с тремя сотнями козаков², когда у тебя самого только двенадцать слуг.

— Так что случилось?

— Новый староста у нас. Тот ключ мошцицкий³, который некогда присвоил себе егомосць пан Януш Сененский, теперь у нового владельца. Ты, вашмосць, с тем человеком будь осторожен. Впрочем, не тебе одному следует с ним быть осторожным. Может, и все мы очнулись слишком поздно?..

— Выходит, староста мошцицкий отобрал у вашмосци отчизну?

— Были у нас с ним споры. В суде немного были. Осторожней с ним. Может, я и преувеличиваю, но наглец он каких мало...

¹ Отчизна — земля, находящаяся в безусловной и неотчуждаемой собственности шляхтича и передающаяся от отца к сыну в качестве наследства.

² Учитывая, что речь именно об украинском козацестве, нанимаемом на службу шляхтичам в качестве вооруженной охраны, выбрано именно такое написание слова: «козаки».

³ Имеется в виду ключ как символический знак, врученный старосте — должностному лицу, осуществлявшему на уровне повета полноту власти.

— Что же, второй Лащ¹ или Стадницкий?

— Стадницкий... Это вашмосць верно сказал. Потому что — Стадницкий он. Сын старого Дьявола из Ланьцута². Того, которому голову срубили оружные слуги лежайского старосты лет двадцать тому.

— Как это? — Куницкий глянул внимательнее. — Один из дьяволят? Возможно ли?

— Да, вот так-то ...

На улице снова задождило. Куницкий ясно слышал, как холодный дождь шумит по поросшей мохом крыше. Недобрые мысли посещали его. Если в Брацлавском поселился сын старого Станислава Стадницкого, это сулило проблемы. Стадницкий, староста жигвульский, господин Ланьцута, не просто так прозван был Дьяволом. Никогда никого не боялся и к закону нисколько уважения не имел. Хотя обитал он чрезвычайно отсюда далеко, в самом русском воеводстве, но даже здесь, на Украине, под Брацлавлем, повсеместно помнили кровавые его расправы, насилия, бесправья и без малого гражданскую войну со старостой лежайским — Лукашем Опалинским, что закончилась бесславной смертью разбойника. Никто и упомнить не мог, сколько на нем лежало инфамий³ и баниций⁴, поскольку все о том старались позабыть. После старого Стадницкого остались лишь людские слезы, память о зако-

¹ Самуил Лащ (1588—1649) — польский шляхтич, прославившийся своими многочисленными разбоями и наездами на других шляхтичей. За десяток лет его лихой деятельности в судах на его имя накопилось 236 решений о баниции и 47 решений об инфамии, но ни одно не было исполнено.

² Станислав Стадницкий по прозвищу Дьявол из Ланьцута (1551—1610) — знаменитый польский магнат и скандалист; в 1608—1610 годах притеснения Стадницким соседей закончились настоящей войной с лежайским старостой Лукашем Опалинским. Станислав Стадницкий — один из героев романа Я. Комуды «Дьявол из Ланьцута».

³ Инфамия (от лат. *infamia* — бесславье, позор) — наказание в системе права Речи Посполитой, накладывавшееся на шляхту за наибольшие преступления (разбой, кражи, насилия); означало утрату чести, запрет исполнения властных функций, связанных с общественным доверием. Предполагалось, что инфамиса могли убить, при этом убийца получал денежную награду и половину богатства убитого.

⁴ Баниция (от лат. *bannire* — обречь на изгнание) — наказание, состоявшее в изгнании с определенных земель; приговор лишал шляхтича чести и достоинства, убийство лица под баницией не осуждалось, но и не вознаграждалось в отличие от инфамии.

паных в горах сокровищах и... сыны его, не без причины прозванные дьяволятами... А теперь один из них поселился в здешних краях.

— Может, тебя, вашмосць, он и оставит в покое — все же ты солдат опытный, — сказал Остшицкий. — Прости, что я стрелял в тебя. Думал, это какой из козаков старосты мощицкого. Он-то меня здесь и мог искать. — Остшицкий беспокойно осмотрелся по сторонам. Взгляд у него был испуганный. Когда шляхтич так беспокойно вертелся, выглядел как загнанный зверь.

— Да что за проклятье! Вашмосць на него протестацию¹ составил ли?! Ведь ты можешь даже в Трибунал в Люблине² ее подать!

— Лучше село старосте отдать да жизнь спасти...

— Что говоришь? Сдурел? Это Украина, не Подляшье. Соберем козаков и сразу кривду твою отмстим. А соседи наши? У знакомцев помощи не искал ли?

— Не могу.

— Не можешь... Вижу, этот Стадницкий стопами отца идет. И как его зовут?

— Тоже Станислав, как и Дьявола. Это ж родной брат Владислава и Жигмунта. И ты хорошо знаешь, как оба закончили... — Острицкий взялся за баклагу с водкой. На верху ладони его Куницкий заметил странный знак — полукруглую петлю, обращенную изгибом вниз, да воткнутый в нее меч. Знак был черный, словно выжженный огнем. Что-то это ему напомнило. Новина. Герб Новина³, выжженный на коже.

— Странно, что справедливости искать ты не желаешь, — проворчал Ян. — Но заставлять тебя я не стану. Может, и вправду смелости у тебя нет свое отстоять.

¹ Протестация (от лат. *protestari* — публично объявлять) — формальный акт протеста, подаваемый в сейм или в суд.

² Трибунал в Люблине — высшая апелляционная судебная инстанция в Речи Посполитой для Малопольши (воеводств Брацлавского, Волынского, Киевского, Подольского, Русского и Черниговского).

³ Польские гербы функционируют чуть иначе, нежели западноевропейские: здесь не отдельная фамилия или род являются носителем одного отдельного герба, но герб инкорпорирует в себя множество шляхетских фамилий. Герб Новина же представляет собой лодку («пава») белого цвета на голубом поле изгибом вниз, с воткнутым в ее середину серебряным с золотую рукоятью мечом.

— Не станем о том говорить, — Остшицкий быстро отдернул руку с баклагой. — Здоровье вашмосця!

Выпили, закусили ветчиной.

— Не говори вашмосць никому, что ты меня здесь повстречал.

— А может, лучше бы поехать тебе со мной? Дам тебе при дворе своем защиту. Будешь моим гостем.

— Хотел бы — да не могу.

— Пугливым вашмосць сделался. Куда как пугливым... Ну, тебе решать. Твое здоровье!

Остшицкий лег на лавке. Укутался попоной, вытянул ноги, прикрыл глаза.

— Уже завтра надобно мне выезжать, — сказал. — А ты, вашмосць, завтра тропой за домом езжай, так и на тракт выберешься. И стерегись!

— А уж ты подумай, отчего бы самому не поискать справедливости, — проворчал Куницкий.

Тот не ответил. Лег поудобней и прикрыл глаза. Дождило вовсю. Ливень бил в соломенную крышу развалюхи.

Куницкий долго смотрел во тьму. Потом вернулся в комнату теплее. Подбросил в печь дров и лег поближе к огню. Заснуть сумел только к утру.

Дьяволенок Стадникий

Утро следующего дня оказалось туманным. Когда Куницкий уезжал от старой корчмы, между стволами сосен и елей лениво протягивались липкие, влажные испарения. В утренней тиши ехал он узкой тропой со взгорья, пока наконец не натолкнулся на тракт. Тогда погнал коня вскачь.

Все в родной его стороне изменилось к худшему, если уж кого-то вроде Остшицкого можно было лишить безнаказанно имения. Конечно, здесь была Украина, но здесь, на Подоле, все знали всех — и, сколько мог Куницкий вспомнить, уж такого-то никогда не случилось. Конечно, и тут порой бывали драки и ссоры, а шляхта спорила за леса и луга, но никто никогда не осмелился бы отобрать у другого пана-брата его отчизну. Да и всем здесь приходилось держаться вместе. Ибо Брацлавское воеводство пересекал Черный Шлях,

которым ходили в глубь Речи Посполитой татарские чамбулы¹, а после их прохода нередко оставались только земля да небо.

Внезапно, когда Куницкий миновал очередной поворот дороги, заметил он на тракте группку из десятка всадников. Были среди них преимущественно козаки, но и несколько панов, меж которыми ехал высокий шляхтич с черными густыми бровями. Одет он был в богатый, расшитый жупан и кармазиновый кунтуш, перевязанный поясом, который стоил не меньше пары сотен червонных.

— А ты кто?! — крикнул на Куницкого с неприязнью один из панов-братьев — высокий, смуглый, с лицом, украшенным двумя бледными шрамами от удара саблей.

Куницкий сдержал коня.

— Я — Ян Куницкий, — сказал он. Взглянул на шляхтича в кунтуше, на лицо, спокойное, красивое, но и напряженное, словно хозяин его мог с легкостью менять свое настроение, от смеха до жестокости и ярости.

Незнакомец тоже сдержал рвущегося вперед коня и внимательно осмотрел Яна, словно шляхтич смотрел на обычного сельского хама.

— Ян Куницкий? Тот самый, что служил под Смоленском?

— Тот самый. А ты, пан, кто таков?

Незнакомец не ответил. Глаза его были бледными, словно пустыми, совершенно без выражения. Ян инстинктивно ощутил в них презрение к себе. А потом незнакомец ударил коня арканом и помчался, словно вихрь, а за ним погнались его люди. Подле Куницкого остался только тот самый шляхтич со шрамами на морде, что окликнул его издали.

— Знаешь, вашмосць, кто удостоил тебя чести? — спросил шляхтич. — Это сам ясновельможный староста мощщицкий Станислав Стадницкий. Был он на тебя зол.

— Зол? Отчего же?

Тот не ответил. Усмехнулся издевательски, развернулся и поехал прочь. Куницкий долго смотрел ему вслед. А потом понял, что староста прибыл со стороны его села...

¹ Чамбул (от тур. *çapul* — отряд) — мобильный отряд татарской конницы, проводивший рейды во время татарских набегов.

Анна

При воротах у двора не было никого. Когда он это заметил — встревожился. Ведь писал, когда возвращается. С самого начала, чуть ли не с того момента, когда выехал из обоза под Смоленском, представлял, как Анна приветствует его у ворот двора.

Только через некоторое время молодой слуга, тот самый, который пред тем открывал ворота, принял у него уздечку коня. Слуга тоже не узнал своего господина. Видимо, начал служить при дворе уже после отъезда хозяина на войну.

Когда Ян поднялся на крыльцо, пришлось ему долго стучать кулаком в знакомые, оббитые воротными гвоздями двери. Наконец те отворились, и на пороге встал мощный, высокий слуга в жупане. Выглядел он грозно, но, когда Куницкий глянул ему в лицо, вздрогнул. Это было лицо ребенка. Ребенка большого, имеющего тело взрослого мужчины. Этого слуги он тоже не помнил.

— Дома ли пани Куницкая?

Тот кивнул, поклонился и жестом пригласил шляхтича внутрь. Побрякивая шпорами, Куницкий вошел в обширные сени. Он помнил это место. Знал его запах, холод и полумрак. Заметил, что слуга старательно закрывает засов на двери. Обычно они этого не делали. Войдя в светлицу, Куницкий вздохнул глубже. Он повел глазами по стенам, где красовались ковры, завешанные оружием, и портреты. Сердце забилось сильнее. Он был дома. Дома. Наконец дома. После двух лет...

Слуга указал ему жестом на кресло и отошел. Шляхтич бросил на софу делию и отстегнутую от рапцев¹ саблю. Осмотрелся в уютной комнате. Интересно, где Анна. Он быстро встал и направился в соседние покои. Должен был знать, отчего она к нему не вышла.

Комната рядом была пустой, поэтому он пошел к дверям алькова. Те были слегка приоткрыты. Когда приблизился, услышал тихий всхлип, доносившийся оттуда. Заглянул в щель — и словно камень упал с сердца.

За столиком сидела его жена. Он хорошо видел ее бледное лицо, большие черные блестящие глаза и пламенно-рыжие волосы, спле-

¹ Так называли в Польше ремни портупей, крепящие ножны к поясу. Рапцы позволяли отстегивать саблю, не снимая портупею.

тенные в толстую, тяжелую косу, что опадала на спину. Красавица. Он знал это. В какой-то степени гордился этим. А теперь она выглядела еще красивее. Сердце его забилося сильнее. В руке она держала небольшую миниатюру. Всмотривалась в нее, и время от времени с губ срывался тихий вздох, а может, и всхлип. Потом она обернулась к двери. Куницкий взглянул на парсуну и понял, что это его портрет. Все сомнения в его сердце развеялись в один момент...

Внезапно кто-то схватил его за глотку. Сзади, сильно. Шляхтич покачнулся, ударил спиной в стену. Схватил противника за руку и развернулся. Позади стоял мощный, недоразвитый юноша, который раньше открывал ему дверь...

— Пусти... — прохрипел Ян. Ухватил левой рукой шею юноши. Толкнул, а потом, когда слуга поднажал на Куницкого, шляхтич рванул его вперед. Они с шумом упали. Ладонь слуги сжалась на горле Яна, сдавила, вбила ему в глотку рвущийся крик.

— Митька, спокойно! Оставь его! — раздался знакомый голос.

Куницкий почувствовал, как разжимаются пальцы парня. Медленно встал. Митька отодвинулся в сторону.

Анна стояла в дверях. Смотрела на него пугающим, безумным взглядом. Сделала к нему шаг, потом второй.

— Ты вернулся, вернулся... — прошептала и упала в его объятия. Он сильно ее обнял. Стояли так некоторое время, сплетенные тесно, словно создавая единое тело. Он чувствовал близость ее бархатистой кожи, груди, плеч, губы ее были у его губ. Ничего уже не подзревал. Знал, просто знал, что она его ждала.

— Отчего же ты не писал, господин мой муж? — спросила она сквозь слезы. — Я два года о тебе ничего не ведала. Даже когда ты вернешься.

— Как это? Я ведь трех гонцов с письмами к тебе выслал. Ты их не читала?

— Никто ко мне не приезжал.

Шляхтич задумался. Староста, встреченный на дороге... Подозрения вновь вернулись...

— Извини Митьку, — сказала Анна. — Он тут недавно. Не говорит. Подобрала я его на дороге. Он много зла от гололоты познал. У него разум ребенка. Не признал тебя. Митька, — сказала она, сдерживая всхлипы, — это господин твой.

Куницкий оглянулся. Тот сжался в углу и плакал, прикрывал лицо руками. Большой, дебелый детина выглядел настолько жалостно, настолько отчаянно, что сердце Яна преисполнилось жалостью. Не мог на него гневаться...

Он подошел к слуге, положил руку на плечо.

— Ну, не бойся, — сказал. — Прощаю тебя. Я ведь знаю, что ты не мог меня признать. Ты хорошо охранял мою жену. Встань.

Митька медленно поднялся. В глазах его шляхтич увидел благодарность. Знал уже, был почти уверен, что нашел в его лице вернейшего слугу. Но когда тот поднял руки, чтобы вытереть слезы, Куницкий заметил на одной из них странный знак — черную полукруглую петлю, обращенную чревом вниз, и вертикально воткнутой в нее меч. Это был герб Новина... Точно такой же, какой видел он на руке егомосця пана Яцека Остшицкого.

— Все как-то да устроится, — всхлипнула Анна, прижимаясь к нему сильно. Слишком сильно, даже как для встречи после столь долгой разлуки. Была она напугана; он чувствовал это. Что-то было не так.

Кадук¹

В ту ночь они были вместе. Искали себя на огромном ложе долго и тщательно. В конце концов им так много следовало сделать. Ян был совершенно обессилен, но Анна словно ошалела. Никогда так не вела себя. Отдалась ему вся, почти как два года назад, в первую их брачную ночь. Все время обнимала его, целовала и кусала почти до крови. Мягкая и деликатная раньше, теперь в любви она сделалась почти как волчица. Он едва ее узнавал. Словно это была уже не та же самая женщина. Не была той Анной, на которой он женился. И — что хуже всего — он не мог понять, что изменилось.

— Хорошо, что ты вернулся, — прошептала она в конце. — Мой бог, что бы я без тебя делала.

¹ Кадук (от лат. *caducus* — бесхозный) — в законах Речи Посполитой наследие, оставшееся без наследников; в переносном смысле термин использовался для ситуаций, когда шляхтич объявлялся не принадлежащим более к шляхетскому сословию — его земли в этом случае становились кадуком, бесхозными.

— Знаю, — ответил он тихо. — Но сидела ты тут как в крепости. Митька меня едва не задушил.

— Пришлось мне, — прошептала она.

— Может, ты боишься, — сказал он. — Многое тут изменилось. Слышал я, что Стадницкий принял мощицкий ключ. Встретил я его по дороге.

Он почувствовал, как по телу ее пробежала короткая нервная дрожь.

— Знаешь ли, откуда он ехал?! — спросил чуть громче, чем собирался. — Показалось мне, что от нас...

Анна бессильно сползла на постель. А потом заплакала. Было это душераздирающе. Ян чувствовал, как слезы чуть ли не ручьем текут из-под ее век. Он молчал... Еще не верил в то, что подозревал с самого начала — что между старостой и женой его что-то было...

— Он, он бывал у меня, — простонала она. — Был здесь много раз, пес проклятый. Едва лишь пронюхал, что ты на войну ушел. Но ничего между нами не было. Он хочет меня... Хочет, чтоб я ему отдалась. Но я ждала, тебя ждала! — крикнула она. — Поверь мне, молю! Поверь!

Он медленно обнял ее, привлек к груди. Она прильнула к нему всем телом. Он верил ей, сам не знал отчего, но верил. А может, хотел верить.

— Ни разу я ему не уступила, — сказала она. — Он ко мне непрерывно приезжал. Спаси меня! Он хочет мной обладать. Не отступит!

— Вот же сучий сын! — прошипел Куницкий. — Не бойся. Даже не думай, что и след его здесь останется. Если приедет, Богом клянись — порублю!

— Это дьявол в человеческой шкуре, — прошептала она. — Сын Стадницкого. Денег у него вдоволь... Говорят, что нашел клад отца своего в Ланьцуце. Он, думаю, хочет удельным князем быть на Барцлавщине. Ни перед чем не остановится. Чего он только здесь не творил. Остшицкого из имения выгнал. У Мелецинского королевщины¹ отобрал... Да и это не все...

— У Мелецинского королевщины отобрал?! И что на то шляхта?

— А кто против него пойдет? В замке на Журавицах он держит пару сотен козаков да всякого иного сброда. Страшный человек. Знаешь ли,

¹ Королевщина — разновидность условного земледержания, когда шляхтичу предоставляется земля (село, мельница и пр.), формально принадлежащая королю, поэтому не отчуждаемая никем, кроме как самим королем.

отчего на него и протестаций¹ ни одной до сих пор не подано в гродский?² Потому что, коли Стадницкий решает, на кого наехать, то так обставляет Брацлав постами, что и мышь не проскочит. Все его боятся.

— Если еще раз он сюда приедет, я дело саблей решу. Я шляхтич — я решу.

— Откуда знаешь, что — шляхтич? — крикнула она. Упала на него и, словно в безумии, принялась целовать его лицо, руки. Плакала.

— Не понимаю, что говоришь

— Он нас охолопил!

Ян замер.

— Как это — охолопил? — спросил. — Меня, Яна Куницкого герба Авданец³, шляхтича польского от рождения? Как это? Что говоришь?

— Я не знала, что делать, — рыдала она. — Когда отказала ему, Стадницкий слух пустил, что нашел где-то, в бумагах неких старых, что не от шляхты ты род ведешь. А потом, на сеймике⁴, не пойми отчего, присудили нам кадук. Не шляхта мы больше.

— И ты мне об этом не написала? Как ты могла?! Уж не сошла ли ты с ума?

— Я писала. Непрерывно писала. Он все письма перехватил...

— Значит, приговор уже вышел, — Ян сорвался с постели. — Где он?! Впрочем, неважно. Напиши апелляцию в Трибунал в Люблине. Но погоди. Когда оно было?

— Месяц тому.

— Отчего он сразу приговор не исполнил?

— Стадницкий дал... — прорыдала она, — время на раздумья до конца месяца. Сказал... сказал, что, если отдамся ему, не станет приводить в исполнение...

¹ Протестация — официально подаваемое в судебные инстанции прошение шляхтича о нарушении его прав.

² Имеется в виду гродский суд — суд первой инстанции, располагавшийся обычно в городах, местах, где находилась высшая чиновничья власть.

³ Герб Авданец (иначе — Абданк) — состоит из двух серебряных стропил, перевернутых вершинами вниз так, чтобы образовать литеру «W», на красном поле; кроме прочих родов, к гербу Авданец принадлежал, например, Богдан Хмельницкий.

⁴ Имеется в виду выборный орган принятия решений на местном уровне в Речи Посполитой.

— Значит, четыре дня еще. Мало. Надобно что-то делать.

— Убежим!

— Куда? Да и посмотрим еще.

— Что посмотрим? Я не хочу, — рыдала она. — Спаси меня...

Он обнял ее медленно, прижал к себе. Она продолжала плакать. Он прижал Анну, словно ребенка.

— Я ему не поддамся, — сказал. — Не знает он, против кого встал. Есть еще у меня друзья. Все хорошо будет. Важнее всего, что мы теперь вместе.

Разговор

— Пан староста!

Станислав Стадницкий остановился на крыльце корчмы. Взглянул на того, кто к нему обращался. Это был Ян Куницкий. Вышел он из конюшни. Сам. Один из товарищей старосты — рослый одноглазый козак заступил ему дорогу.

— Ну, шо такэ?

— Хочу поговорить с егомосцем Стадницким.

Староста скривился.

— Ну так говори, вашмосць, — сказал.

— Наедине.

Староста взглянул на своих спутников. Захоти он — разнесли бы этого в ключья. Усмехнулся. Сошел со ступеней и двинулся за угол корчмы. Куницкий пошел следом. Поглядел Стадницкому прямо в глаза.

— Почему? — спросил. Всего одно короткое слово.

Староста продолжал ухмыляться легкомысленно.

— Пан Куницкий, кто ты, собственно, таков? Кто, что желаешь меряться со мной. Я — Станислав Стадницкий. Я из древнего рода. А ты?! Мог бы конюхом у меня служить. Отцы твои моим отцам стремя подавали, а случалось, что и шею подставляли, когда те на коня садились... А жену свою ты сам после свадьбы оставил. Поехал на войну — на два года. Но должен я признать, пан Куницкий, что стоишь ты у меня на дороге.

— На дороге к жене моей? Бейся со мной, пан Стадницкий!

Староста тихо рассмеялся. Взглянул на Куницкого свысока. Сумел проделать это с легкостью — был выше ростом.

— Что мне, с холопом сражаться? Не будь дураком. Я даже гневаться на тебя не желаю. Зачем? Живи со мной в мире и не пожалейся. Убеди глупую жену, чтобы пришла ко мне. Для нее это не в новинку. Раз мать и бабка в панском ложе леживали, то и дочка сумеет...

Куницкий положил ладонь на рукоять сабли. Молчал. Стадницкий поглядел на его потемневшее от гнева лицо. Но Ян сумел взять себя в руки.

— Четыре дня у тебя, чтобы привести ее ко мне, — пробормотал староста со злой ухмылкой. — Если этого не сделаешь, приведу разговор в исполнение.

— Вот, значит, как... — прошептал Куницкий. — Жену мою хочешь. Но я — вольный шляхтич. Как и Анна. Можешь силой ее взять, но никогда не получишь ее сердца. Не получишь того, что имел я и имею всякую ночь.

Попал в цель. Увидел гнев на лице Стадницкого. Староста тоже положил ладонь на рукоять сабли.

— Вынимай оружие, вашмосць, — сказал Куницкий. — Покончим с этим как шляхтичи. Вставай против меня здесь, под корчмой. Увидим, кто победит. Ну, попробуй. Я старый солдат. Бывал и под Смоленском, и в Инфлянтах. Да и у тебя, полагаю, хорошие были учителя. Увидим, кто лучший.

— Не стану я драться с таким, как ты, — сказал Стадницкий с вынужденной улыбкой. — За то, что сказал ты, мог бы я велеть тебя выпороть батогами. У тебя четыре дня, чтобы убедить свою жену. И с чего бы вам, серьякам¹, таким упрямым быть! Кто бы это в какой другой стране видывал, чтобы некто такого низкого положения, как ты, смел так высоко подсакивать! Мордой в навоз, хам! Проси о милости на коленях!

Стадницкий отступил за угол корчмы. Куницкий шел следом. Нагнал бы его, но в этот момент из-за угла выглянуло несколько товарищей старосты.

— Ну, хватит, наговорился ты уже с паном старостой, — сказал один из них, высокий, в татарской мисюрке². Оглянулся на Стадницкого,

¹ Презрительное наименование бедноты (от цвета одежды, ею носимой).

² Мисюрка — разновидность татарского круглого шлема с кольчужной бармицей, спускающейся на шею, и железной стрелкой-наносником.

словно ожидая приказа, что сделать с Куницким, но тот отвернулся, нахмурился и двинулся в сторону конюшни, откуда выводили коней. Когда уже сидел в седле, кивком указал на Куницкого одному из своих людей.

— Займись им, — сказал. Тот кивнул. Староста ударил коня шпорами. — Песий сын, — процедил сквозь зубы. — Я еще тебя достану.

«Под Золотым Драконом»

Старая корчма «Под Золотым Драконом», куда вошел Куницкий, несколько не изменилась. Был это все тот же честной постоялый двор у тракта из Брацлава на Каменец, деревянный, с бревенчатым, потемневшим от старости потолком. Опускались сумерки, и в зале царил полумрак. Снаружи было холодно, а здесь тепло, поскольку же пребывало в корчме немало гостей, то и атмосфера сделалась вполне приятной.

— Да предатели они, псовы дети, ослы, а не послы!¹ — почти кричал из угла какой-то шляхтич в подпитии, пока Куницкий проталкивался сквозь толпу панов-братьев. Его всюду узнавали и всюду приветствовали. — Чоповое! Чоповое наложили! Я понимаю, что шляхта должна на войско от лана и с головы платить!² Но чтобы от водки³ — это уж истинное тиранство!

— И тогда, вашмосци, — говорил другой по-над кружкой меду, — выскочили мы из корчмы — и в сабли! А те вчетвером на меня! Но я-то одному по лбу рубанул, что аж кости ему наверх вылезли, второму из пуза кишки выпустил, и тогда-то остальные — руки в ноги...

Человек, к которому Куницкий пришел, ждал в темнейшем углу, подле самого окна. Был это мощный мужчина с лицом, опаленным

¹ Послами в Речи Посполитой называли шляхту, заседавшую в сеймиках и сеймах и соответственно принимавшую решения относительно политики и экономики Польши.

² Речь идет о налогах — «с лана», то есть с поля, и о поголовном, который взимался в Речи Посполитой прежде всего на содержание государственного войска.

³ «Чоповым» (от «чоп» — затычка в бочке) назывался налог с винокурения, которое в Речи Посполитой находилось в частных, а не в государственных (как, например, в Московском государстве) руках.

солнцем. Куницкий полагал его лучшим своим другом. Любил его не только за неутомимую веселость, но и за искренность и открытость. Мартин Мелетинский обожал женщин, но того, что говорил о них, не вынесли б ни одни женские ушки. Может, оттого-то он и не женился. И все же из-за красоты своей всегда наслаждался он любовью прекрасной половины. Был человеком, никогда не пропускавшим ни единой женки: ни панн, ни вдов, ни замужних, ни добропорядочных дев. Не презирал и простых селянок — и деревушка его являлась одной из наиболее заселенных в окрестности.

— О, вот и ты! — крикнул он, увидав Куницкого и вскакивая на ноги. — Бог мой, сколько же времени я тебя не видывал! Приветствую!

Они крепко обнялись. Мелетинский налил ему склянку водки.

— За встречу нашу и за твое счастливое возвращение!

Выпили. Была это добрая гданьская водка. Пролилась в горло, словно вода, хоть и была куда как крепкой. Уселись.

— И что там слышать? — спросил пан Мартин. — Крепко вы Москву били.

— А и верно, — проворчал Ян. — Однако ж о войне в следующий раз поговорим. Видишь ли, нынче у меня большие проблемы.

— Проблемы? Наверняка с бабой. Лучше бы их и вообще в голову себе не брать. Хочет иль нет, а погулять, потом же камень на шею — и в воду, как козаки говорят. Я вот так делаю и не жалеюсь. Никто мне рога не наставит. Женки лишь для постели хороши.

— Вот интересно, сказал бы ты так той, которую и вправду полюбишь.

— Конечно же нет. Я любой и всякой говорю: панна милостивая, перси твои — словно серны, лицо твое — словно утренний рассвет весенний, а мысль твоя меня словно сабля прошивает насквозь. Они такое любят. А особенно любят слушать, какие мудрые они. Может, потому, что на самом-то деле — глупы.

— А правда ли, — спросил Ян, совершенно его не слушая, — что Стадницкий отобрал у тебя две королевщины?

Мартин опустил голову. Выпил одним глотком кубок водки.

— Отобрал, — сказал тихо. — Как есть отобрал. Но что о том говорить. У него было четыреста человек, а у меня семеро слуг с оружием и двое свитских. Всех мне выбил. Я отбивался — так двор

Содержание

От составителя	5
<i>Яцек Комуда. Черный вензель (Пер. с польского С. Легезы)</i>	7
<i>Святослав Логинов. Сбудень</i>	51
<i>Ксения Медведевич. Прямая дорога</i>	69
<i>Ся Цзя. Улица Призраков (Пер. с английского И. Суханова)</i>	96
<i>Терри Пратчетт. Двадцать пенсов, с конвертом и поздравительной надписью (Пер. с английского Е. Лихтенштейна).....</i>	112
<i>Мария Галина. В плавнях</i>	121
<i>Томаш Колодзейчак. Красавица и граф (Пер. с польского С. Легезы)</i>	143
<i>Марина и Сергей Дяченко. Визит к педиатру.....</i>	210
<i>Петр Гоцек. Странствие трех царей (Пер. с польского С. Легезы).....</i>	214
<i>Макс Щербаков. У самого синего моря.....</i>	226
<i>Борис Штерн. Дед Мороз.....</i>	248
<i>Сергей Булыга. На старой запруде.....</i>	256
<i>Ярослав Гжендович. Поцелуй Луазетты (Пер. с польского С. Легезы)</i>	270
<i>Федор Чешко. Мелкая</i>	294
<i>Ольга Онойко. К вопросу о спасении кошечек</i>	310
<i>Сергей Легеза. Плясуны</i>	323
<i>Кир Булычев. Морские течения</i>	328
<i>Генри Лайон Олди. Она и ее мужчины.....</i>	333
<i>Джеймс Брэнч Кэбелл. Легенды Пуатема (Пер. с английского М. Назаренко).....</i>	341
<i>Анджей Сапковский. Maladie (Пер. с польского С. Легезы).....</i>	358
<i>Владимир Аренев. Второе сердце сирены</i>	403

Літературно-художнє видання

Подорож трьох царів

Збірка

(російською мовою)

Укладач *Володимир Аренєв*

Керівник проекту *З. О. Бакуменко*
Координатор проекту *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Редактор *В. К. Аренєв*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *І. О. Гнідая*
Коректор *О. М. Пікалова*

Підписано до друку 30.09.2016.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 25,2.
Наклад 10 000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика».
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4.
Впроваджена система управління якістю згідно
з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

Странствие трех царей

Сборник

Составитель *Владимир Аренев*

Руководитель проекта *З. А. Бакуменко*
Координатор проекта *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *В. К. Аренев*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *И. А. Гнедая*
Корректор *О. Н. Пикалова*

Подписано в печать 30.09.2016.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 10000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»,
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а,
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов в ПАО
«Белоцерковская книжная фабрика».
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4.
Внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Найцікавіші фантасти з різних країн світу — Англії, Білорусі, Китаю, Польщі, Росії, США й України — запрошують вас у дивовижні мандри своїми світами: зі степів Речі Посполитої до сучасного українського мегаполіса, з післяреволюційної Франції в античну Грецію, морями арабського Сходу й ренесансної Італії. Джини, сирени, примари, гігантські кракени, стародавні боги... — і люди, які здатні на диво заради честі й любові. Усе це в нових захопливих історіях найкращих письменників-фантастів!

Пратчетт Т. и др.

С83 Странствие трех царей : сборник / Пратчетт Т. и др. ; сост. Владимир Аренев ; — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2016. — 480 с.

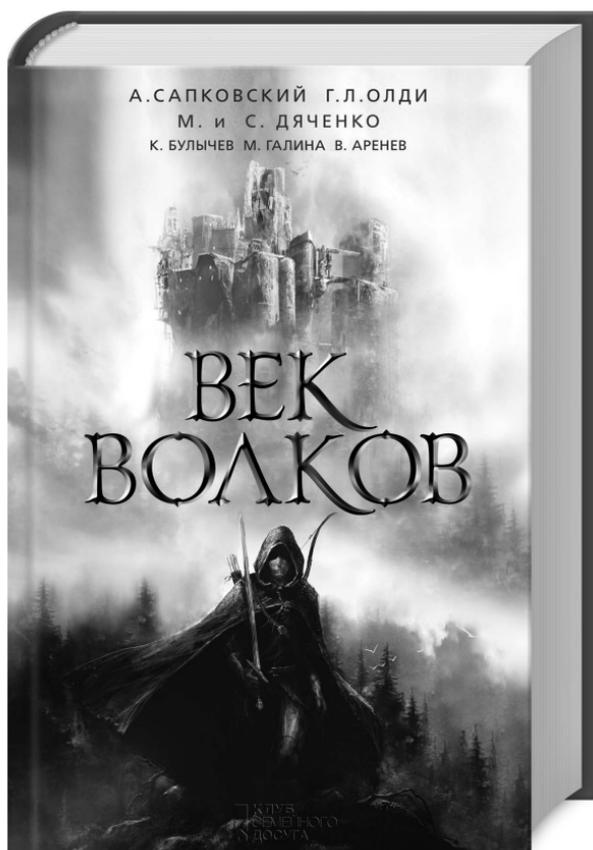
ISBN 978-617-12-1647-1 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3743-3 (Россия)

Самые интересные фантасты из разных стран мира — Англии, Беларуси, Китая, Польши, России, США и Украины — приглашают вас в удивительные странствия по своим мирам: из степей Речи Посполитой в современный украинский мегаполис, из послереволюционной Франции в античную Грецию, по морям арабского Востока и ренесансной Италии. Джинны, сирены, призраки, гигантские кракены, древние боги... — и люди, которые способны на чудо ради чести и любви. Все это в новых увлекательных историях лучших писателей-фантастов!

УДК 821-312.9
ББК 84(0)-445

**От лучших авторов
славянского фэнтези!**

Анджей Сапковский, Генри Лайон Олди, Марина и Сергей Дяченко, Святослав Логинов, Кир Булычев и другие фантасты делятся историями о доблести и отчаянии, о долге и выборе, о грани между мирами, которая становится слишком тонкой... Рассказы стремительно переносят из средневековой Франции в Берлин накануне Второй мировой, из дворца народа Холмов в Последнюю Речь Посполитую. Падшие ангелы и вампиры, драконы и ведьмаки, колдуньи и эльфы, древние боги и существа, которым нет имени, ждут встречи с вами!